Жизнь этого человека, которого мы, поэты, зовем человеком эпохи, сама по себе летопишь. Слово и дело его не вступали никогда в противоречие, что тем более ценно, когда речь идет о высокопоэтическом слове. Жизнь его — целая история, без которой, мы уверены, не расскажешь истории советской литературы, истории развития нашей культуры.

Да, нелегко назвать сейчас другого советского поэта, биография которого так полно впитала бы в себя все этапы становления литературы, была бы связана со всеми значительными для каждого советского человека событиями, начиная с дней великой революции до сегодняшних дней. Но ведь дело не только в годах, которые к всеобщей радости щедро отпустила ему судьба. Как они прожить, какой мерой энергии мерить каждый шаг, что «стоит за натруженными плечами» — вот вопросы, на которые может ответить уверенно, обстоятельно, без обиняков только высокий гражданин.

Когда поэта чтят читатели — это признание. Многонациональная советская поэзия наша едина в своей оценке творчества Тихонова, едина в этой оценке с народом. О многом уже говорит только то, что, обращаясь взорами к рождению и становлению такого феномена, каким является поэзия советская, мы называем среди ее могучих подвижников имя Николая Тихонова. Свои первые прекрасные стихи — «Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях» он обнаружил тогда, когда Вл. Маяковский опубликовал свои «150 000 000» и «Прозаседавшиеся».

Конечно, сегодня с вершины 80-летия Николая Семеновича вновь будет прочитана каждая его строка. И мне, грузинскому поэту, в первую очередь вспомнятся стихи, с которыми Н. Тихонов во славу русской поэтической традиции так вдохновенно обратился к Грузии. Более полувека назад он ступил на нашу землю, ступил как любознательный путешественник, а прощался как поэт: «Мне в этом крае все знакомо, как будто я родился здесь...»

Породнившись с Грузией, Тихонов перекликался с Вл. Мая-

ковским, который именно в эти годы воскликнул свое знаменитое: «Да, я грузин...» С той поры тема Грузии заняла особое место в творчестве Тихонова, и, должен сказать, грузинский цикл Тихонова — это явление в русской советской поэзии.

«Багдадские небеса» (Багдади — село в Грузии), перед ко-

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

торыми считал себя должником Маяковский, его желание перевести грузинских поэтов, к сожалению, неосуществленное, весь этот пиетет к Грузии как бы принял из рук Маяковского Тихонов, бережно и любовно храня это тепло всю жизнь.

Если русский читатель до того знал по Пушкину и Лермонтову романтическую Грузию, таинственную и далекую окраину, то в стихах Тихонова поднялась во весь рост Грузия трудовая, Грузия сегодняшнего дня, Грузия творческая и цветущая. «Стихи о Кахетии», «Грузинская весна», «На Храме-гэсе», «Руки сборщицы чая», «Песня о дружбе», «Рустави» — это благодарные оды грузинскому трудовому народу. Ведь именно эта сторона творчества Тихонова, его гимн дружбе и братству народов СССР снискали ему Государственную премию, а в нашей республике — многозначимую для поэта премию имени Руставели. Давно и справедливо Николая Тихонова так и называют — певец дружбы народов. Высокий эпитет этот не дар, а многогранная заслуга.

«От сердца к сердцу строя мост великой дружбы нашей», Николай Тихонов создал высокопоэтическую летопись дружбы народов.

До тридцатых годов широкий читатель не мог получить всего, что создано было в отдельных республиках на нацио-

нальных языках, а тем более до революции.

И вот в 1934 году, перед первым съездом советских писателей, по инициативе Максима Горького в союзные республики были командированы бригады ведущих литераторов с целью ознакомления с достижениями братских литератур и их широкой популяр-

зации. «Грузинскую» группу возглавил еще молодой тогда, но уже известный поэт, автор «Орды» и «Браги», Николай Тихонов.

Тридцатые годы — качественно новая эпоха в литературной жизни республик: родились заново для самых широких масс шедевры народного гения, многонациональная советская культура обогатилась новыми творческими открытиями. «Взялся за переводы грузинской, армянской и дагестанской поэзии», — писал тогда Н. Тихонов, и первые же его переводы вызвали восторженные отклики.

Как саму грузинскую поэзию, полюбил тогда русский поэт грузинских поэтов, сблизился и побратался с ними. Тесные узы и единомыслие накрепко связали тогда Тихонова с Сандро Шаншиашвили, Георгием Леонидзе и многими их коллегами. Не так давно вышло у нас в Тбилиси интересное издание — двухтомник «Летопись дружбы». По сути дела, хроникальный документ — книга эта читается как эмоциональная исповедь любви и дружбы. Страницы книги восходят и к далекой истории и содержат факты не так давно минувших дней. Целых сорок лет из названной «Летописи» связано с именем Николая Тихонова. Приведены переписки его с грузинскими друзьями, другие документы. И, может быть, не самым главным

мотивом этих обобщений был профессиональный интерес. Потому-то и читаются эти строки не как документ историко-литературных отношений, а как документ духовного общения и родства.

Я затрудняюсь назвать хоть одно имя, значимое для грузинской литературы, чьи стихи не стали бы предметом переводческого любопытства Николая Семеновича. А итогом этого удивительнейшего интереса всегда были русские эталоны грузинского поэтического слова. Вспомним хотя бы цикл переводов из Георгия Леонидзе — народного поэта Грузии. Эти работы стали явлением уже русской культуры.

Патриарху советской поэзии приносим мы, грузинские поэты, признательные слова. Это, во-первых, слова благодарности человеку, который писал: «Есть страны, полные особого значения для других стран. Это выражается не в области экономики или политики. Нет, они являются в особом поэтическом ореоле для многих поколений, сменяющих друг друга. Их природа, их искусство, их древняя культура вызывают особое волнение не только знатоков. Они оказывают свое влияние на художников, писателей, ученых... Одна из таких стран в Европе, стран, которые для европейского сознания являются полными особого смысла, по-моему, — Италия... Для русских поэтов нашей Италией, несомненно, стала Грузия». Добрыми, идущими от большого, щедрого сердца представляются эти уважительные строки, в которых содержится для нас, грузинских поэтов, не столько оценка, сколько обязывающее на будущее напутствие друга.

Во-вторых. Много хороших и разных поэтов взрастила советская литература. Но многие ли олицетворяют собой столь живой символ братства, столь заразительный пример того, как надо уметь вращаться в одной жизни. И поэтому я вновь повторяю: Николай Семенович Тихонов не просто прекрасный певец, он певец дружбы народов, певец счастья и мира на земле.

Ираклий АБАШИДЗЕ,
ТБИЛИСИ.

ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ

ПОЭТИЧЕСКИЙ АВТОГРАФ

Имя Николая Тихонова для каждого из нас — это символ верности Родине, высокой гражданской ответственности творчества, интернационализма. Поэт-патриот, неутомимый борец за мир и дружбу народов — вот каким знаем и любим мы Николая Семеновича.

А как внимательно относится он к своим читателям! Приведу, например, такой случай.

Дело в том, что я очень люблю поэзию Сергея Есенина и собираю материалы о его творчестве. Как-то решил я написать о своей Есениниане Николаю Семеновичу Тихонову.

И вот в ответ получил от него его книгу «Двойная радуга» с таким автографом: «Товарищу Кравцеву А. Г. Уважаемый Анатолий Георгиевич! Очень

рад был узнать, что Вы собираете материалы по биографии Сергея Есенина. Посылаю Вам книгу своих документальных рассказов «Двойная радуга», на странице 227 в рассказе «Дни открытий» есть кое-что из моих воспоминаний об Есенине. Может быть, Вы это присоедините к своим материалам. То, что описано в рассказе, — все правда, без кру-

пинки вымысла. Желая успеха. 3 ноября 1970 года, Москва. Н. Тихонов».

Хочется пожелать дорогому юбиляру в день его 80-летия новых творческих свершений, здоровья.

А. КРАВЦЕВ,
рабочий Бежицкого сталелитейного завода.
БРЯНСК.

«Сов. культура» 1976, Звек, №92